

Игорь Райбан

серия проект отступник

«СТИКС»

Игорь Райбан

**Стикс. Серия «Проект
„Отступник“»**

«Издательские решения»

Райбан И.

Стикс. Серия «Проект „Отступник“» / И. Райбан —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934638-4

Книга-диалогия. Две первые части последних приключений проводника Джоника. «... Мои видения были про «Стикс», возможно, так почувствовал. Нет, это не совсем тот Стикс, который из исторических мифов. Ведь «Стикс» не река, а «колодец». И не пускают не туда, а не выпускают отсюда...»

ISBN 978-5-44-934638-4

© Райбан И.
© Издательские решения

Содержание

«Схождение в Ад»	6
«Анна на шее»	15
«Предисловие. Как всё начиналось	22
«Чистилище»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Стикс
Серия «Проект "Отступник"»

Игорь Райбан

© Игорь Райбан, 2018

ISBN 978-5-4493-4638-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Схождение в Ад»

Пятеро смелых людей, обмотанных горно—высотным снаряжением, спускались в угрюмую бездну.

Еле покачиваясь на альпинистских веревках, они упирались ногами обутых в ботинки с резиновой подошвой глубокого рифления, в отвесную стену каньона. Зафиксированные на специальных устройствах типа «реверса», альпинисты передвигались беззвучно.

До недружелюбной, усыпанной огромными валунами, истерзанной и изрезанной руслами высохших ручьев, поверхности дна каньона оставалось метров сто. Многометровые бухты размотанной и спущенной вниз каньона «дюльферки», мерно покачивались в такт движениям бесстрашных людей, ни боявшихся ни высоты, ни бога и самого сатаны.

Со стороны выглядело, будто несколько муравьишек, приклеились выше середины вертикальной стенки стеклянной банки наполненной темным ягодным вареньем, и которые не знают, что теперь делать дальше.

Я спускался вместе с квадом, то есть четверкой сталкеров, крайним слева.

Нанялся в качестве проводника в рейде поисково—спасательной группы.

Они знали меня под именем Джоник, так представился новой команде, при первом шапочным знакомстве.

Второе имя данное мне в Зоне, в самом начале возвращения сюда, когда только объявился и обжился на Кордоне, привыкая к суровой действительности сталкерской жизни.

Здесь всем дают вторые имена или клички.

Неважно что называют, важно как.

Коротко пискнул и задрожал датчик «биорадара», новая разработка ученых работающих на «Янтаре», оповещающая о наличии живых организмов вблизи, а точнее в радиусе шестидесяти метров.

Сразу передавая сигнал «внимание: стоп» остальным членам отряда, на гарнитуры переговорных устройств, взглянул на экранчик дисплея «биорадара», надежно закрепленного на левом предплечье.

Сам прибор находился в карманах внешней разгрузки защитного комбинезона «берилл—5м».

Левой рукой придержал, нагруженную под моим весом, альпинистскую веревку возле «реверса».

Правой рукой, выбрав слабинку спущенной вниз «дюльферки», продел её в основной карабин наверх, который крепиться сразу на «обвязку», (поясная страховочная система), делая простой узел «зажим» сверху устройства «реверса», надежно фиксируясь на альпинистском тросу.

Элементарно, доли секунды заняло!

Остальные члены нашего маленького отряда, почти синхронно, проделали именно так! Профи – ничего не скажешь.

Ничего, повесим немного, хотя надо брать, на всякий случай «гри-гри», отметил про себя.

Вглядываясь в экран мутноватого дисплея, продумывал варианты действий, на нём отображалось хаотичное движение и непонятные перемещения.

Около двух—трех десятков точек.

«Биорадар» показывал сканируемый живой организм в виде точки.

Чувствуя в глубине себя всё больше нарастающее нервное напряжение, во время спуска, которое стало плавно переходить в предчувствие, в непонятную тревогу – «кигакари—кан».

Я в ответе за группу сталкеров, груз ответственности полностью ложился на мои плечи.

Вот черт! – ругнулся про себя, по привычке.

Гадая в уме, что такое и где они могут находиться, прямо чертовщина, какая-то. Вместе с тем оценивая обстановку что там может, и чем грозит отряду.

Снорки? – бред. Они здесь не обитают.

Кровососы? – не может быть. Их слишком много.

Кто же там?! – зомби? бюреры? крысы? контролеры? химеры? псевдособаки?

Да нет, всё не то!

Перебирая так всю живность в уме и не найдя ответа, решил связаться по «переговорникам» с остальным отрядом.

Маленькое отступление по группе.

Первый – Борода: вольный сталкер, широкоплечий здоровяк, лысый, но заросший рыжей бородой. Выносливый и сильный, как индийский слон!

Второй – Крест: бывший военный, капитан Яковлев, раньше служил здесь же, в Объединенных Войсках Защиты Периметра, профи снайпер, серьезный парень.

Третий – Михей: ныне вольный сталкер, бывший «долговец», пьяница, разгильдяй и шалопай, потому и был изгнан из «Долга».

Зачем принят в группу – непонятно.

Наверно для поддержки штанов и морального духа!

Четвертого я не знал.

При знакомстве, он не проронил ни слова, лицо спрятано сверху альпинистским шлемом, глаза скрыты под черными солнцезащитными очками, внизу надета полумаска от «Цисты».

Он в сторонке от всех, разбирал экипировку, снаряжаясь для спуска, достаточно профессионально работая с альпинистским снаряжением. Сначала думал, что это ученый—ботан, но за его спиной торчал ствол «первички» (первичка – основное огнестрельное, автоматическое оружие сталкера), а ученые оружия не носят, как известно.

Так теряясь в догадках, отправился в путь.

Я проводник – моё дело вести группу, за деньги, очень большие деньги, не задавая лишних вопросов. Все!

Ближайшей задачей группы – максимально быстро пройти спуск каньона, в обиходе сталкерской среды, называемой Шахтой, или Шахтой Дьявола, пройти дно ущелья, найти убежище от приближающегося Выброса, отыскать, и выбрать дорогу к Мертвому Городу, бывшей городок —32.

Всё просто на словах.

– Это Джоник. Внизу под нами движение. Расстояние десять или пятнадцать метров, – каждый обдумывал информацию в себе, даже балабол Михей. Секунды текли, время шло, все знали, что скоро по прогнозам Выброс. Висеть на стене или находиться вне убежища во время него, не есть гуд! Надо принимать решение, немедленно действовать.

– Какие варианты? – спросил у группы.

Мой план один – произвести разведку.

Обычно по неписаным законом, на разведку посылают «отмычку», а не проводника. В качестве «отмычки» используют зеленого новичка первохода, который и Зоны толком не нюхал, посылая того, и чаще всего, на верную гибель.

«Се ля ви» – такова жизнь.

– Что делать, надо идти на разведку, – первым отозвался немногословный Крест.

– Ну и кто пойдет? – добавил с дрожью в голосе Михей.

– Вот она, в чем сила брат, – отшутился Борода, показывая мне пальцем за спину, где был надет самый большой рюкзак из всей группы.

Там находились запасы всего: снаряга, патроны, еда отряда, мелочи на всякие непредвиденные случаи.

Мы спускались налегке.

Взяли только самое нужное, легкие бронежилеты с разгрузкой, да по одному стволу «первички». Михей даже неразлучную гитару оставил наверху. Основной груз, с необходимыми наборами вещей для каждого члена команды в многодневном рейде, уже на месте.

Он сброшен на дно каньона, с gps—маячком, военной «вертушкой».

И да, было предложение от военных, тоже нас скинуть на парашютах— парапланах вниз Шахты. Но дружно отвергнуто по нескольким обстоятельствам. Предварительная проверка нашего маршрута и вариантов спуска в каньон показала, что в воздухе присутствуют воздушные аномалии: «лифты», «подушки», «трамплины».

Кроме того, на противоположной стороне Шахты гнездились, на насиженных местах, сверху до низа «электры».

Более того, опыта воздушных прыжков не у кого из членов отряда, не оказалась.

Даже у меня, всего два прыжка, один учебный, в самом начале армейской службы в спецназе ВДВ. Второй прыжок кое-как проделан на показательных общевойсковых учениях.

Почему так мало прыжков, спросите вы? – потому что с детства не люблю всяких летающих штук, фобия какая-то. Потому начальство, зная мою слабость такую, предложило контракт, продолжать дальнейшую службу в штурмовом отряде спецназа «Ворон».

Там меня и дрессировали до седьмого пота, высотному делу и всему прочему.

Общим решением постановили: спускаться испытанным, дедовским способом.

Другого варианта попасть живыми в Мертвый Город, с нашего местоположения – нет.

Крест, бывший капитан, тоже неплохо владел высотным делом.

Пока меня не было, я в тот момент заканчивал делишки неотложные, он готовил снаряжение, обучал и натаскивал разгильдяев Бороду и Михея.

Как выяснилось, четвертый член группы отряда, прибыл незадолго до моего появления в точке сбора группы, так что о нем ничего неизвестно.

Дано указание сверху, взять этого человечка в рейд и баста.

Четвертый, как всегда промолчал, наверно немой, хорошо что не глухой, пришла шутка, про себя его стал называть Четвертый.

Получалось Борода и Михей не в счет, Четвертый тоже.

Оставались Крест и я.

Крест как запасной вариант и самый опытный из квада, должен вывести отряд назад, в случае непредвиденных ситуаций или смерти проводника. Да и в альпинизме он, мягко говоря, не очень.

А для разведки надо менять трассу спуска примерно на семь метров, потом спускаться вниз. В случае чего, реагировать, предпринимать действия, спастись от неожиданной опасности.

«В случае всего» – мне даже думать об этом не хотелось, что может быть дальше!

– Ладно, сам спущусь, посмотрим там, что и как. Пока остальные на месте, – отозвался. Оптимальный выбор для команды.

Глубоко набрав воздух в легкие, медленно выдыхая, стараясь унять дрожь в руках и ногах, успокоить напряженные нервы, разыгравшийся адреналин в крови, я пытался войти в режим ку—до (состояние пустоты). Дождавшись, когда психика перейдет в новый режим работы, мне пришлось приняться за привычное занятие, то есть выживанию в Зоне.

Дело в том, что я не подготовил снаряжение как полагается, положившись на русский «авось»!

Как говорить, чем меньше рюкзак – тем выше мастерство!

Или: у новичка нет снаряги – у крутых перцев тоже его нет!

Шутки такие у альпинистов грустные.

Вообще я не сделал перед спуском систему самостраховки, которая крепиться к основной «обвязке»!

Даже «дейзи чейн» не приладил!

А мне нужно выходить на ИТО (искусственные точки опоры) и работать уже там, скальным молотком забивать анкера и «шлямбуры»!

Да и «железо», для работы на ИТО мало взял, как всегда надеясь, что пронесет и обойдется. Так. Спокойно Маша, я Дубровский!

Сначала делаем «подстраховку», благо для этого всё имелось.

Выбрав поудобней место под опоры ног, забил в трещину скальный крюк «шлямбур», надо экономить «френды».

Готово. Так делать категорически нельзя.

Я просто рисковал и торопился!

По всем высотным правилам, не спеша вбиваются три шлямбура, делается страховочная станция, это когда... нельзя так делать, как я!

На вбитый «шлямбур» накинута подходящая «оттяжка» (петля с двумя карабинами), то есть защелкнул карабин на ушке «шлямбура», а другой карабин к основной петле «обвязки».

Сделано. Теперь когда закрепился, можно снимать фиксирующий узел «зажим» на «дюльферке» и вязать подстраховку.

Есть. Достал кусок силового шнура, и начал вязать на «дюльферке», висящего конца, «схватывающей» узел и из него же узел «проводник». Потом взял простой карабин, вщелкнул сначала карабин в петлю «проводника», затем в петлю «обвязки» на правой ноге.

Всё. Теперь можно отправляться в свободный полет!

Так как я спускался крайний слева и непонятные движения «биорадар» показал прямо подо мной, то мне надо сдвигаться влево.

Мой план таков: уйти влево, потом спуститься и посмотреть что там такое.

Оглядев нужные места скального рельефа, подумал: «это я удачно зашел». Мне повезло – серый скальный монолит, был не такой цельный, как на Бигволах. Всюду выступы, уступы для ног, щели, трещины, расщелины, а шутики здесь неуместны!

Можно не теряя времени быстро «френдить», передвигаясь в раскачку, двигаясь от одной «френды» к другой.

«Френды» – не те френды, какие-нибудь друзья или знакомые!

Закладной элемент с изменяющейся геометрией, который не требуется забивать, например в трещину. Сжав кулачки, просто вставляется в нужное место. Отпустил кулачки, устройство расклинивается и фиксируется, в трещине, или еще где либо.

Сжал кулачки – обратно вынул. Красота. Анкерный принцип действия. Так и собирался делать.

Я вспоминал подзабытый алгоритм действий работы на ИТО: один щелчок – она закладка! Чтобы соответствовать этому принципу, необходима дополнительная подготовка снаряжения.

Это относится, к основным элементам.

Каждая френда должна оснащена оттяжкой и карабином, так чтобы ты мог работать с ней в режиме: отщелкнул, установил, прощелкнул веревку.

Так вы, во-первых, экономите силы за счет короткого времени на установку, во-вторых, экономите оттяжки.

Перед конкретным участком вы также можете подготовить те закладки или крючья, которые собираетесь использовать, то есть «зарядить» в оттяжки и развесить в предполагаемом порядке установки. Также облегчают задачу вспомогательные карабины для развески железа.

Лазанье с железом, когда оно развешено в пачках на одном карабине, неудобно, даже когда вы лезете на ИТО, поскольку крадет ваше время на отщелкивание—прищелкивание точки, не говоря о том, что вы можете уронить всю пачку железа.

Да, все верно! Надо начинать уже действовать.

Сняв «оттяжку» с крепко забитого шлямбура, вщелкивая в него основную веревку с простым карабином, я качнулся влево, одной рукой зацепился за выступчик каньона, другой рукой вставляя «френдю» в подходящее место, с готовой «оттяжкой».

Щелкнув «френда» закрепились в отверстии, второй карабин «оттяжки» в основную петлю «обвязки».

Есть! Как говорил: один щелчок – одна закладка!

Продвигался, таким образом, вдоль скалистой стены каньона, иногда вбивая скай—хуки (скальный крюк специальной формы), и слушал вполуха в «переговорнике» болтовню команды, хотя Четвертый молчал, как рыба об лёд наверно любуясь горным пейзажем.

Крест копался в своем «наладоннике», видимо с кем-то связываясь.

А вот голубки—сталкеры щебетали без умолку.

Михей рассказывал очередной похабный анекдот, потом они вместе с Бородой дружно ухохатывались, ржали от смеха в голос, несмотря на режим тишины.

«Два сапога пара», – подумал без злобы.

Хотя да, они погодки по возрасту, лет по тридцать, а нам с Крестом за сороковник с небольшим.

И мне не до любования горной красотой, не до этого.

Всё внимание направлено на механический процесс крепления, передвижения, короче говоря – скалолазание.

А когда спустишься или подымишься, тогда и можно, не торопясь насладиться открывшейся невероятной красотой горного пейзажа!

Итак, спустя минут пять, я добрался намеченного участка, разведочного спуска вниз. Исцарапал пальцы, на руках одеты плотные кожаные перчатки, они мягкие, лучший вариант для серьезных маршрутов со страховкой на крючьях, однако, реально они защищают только ладони.

Не торопясь спустился, фиксируя время от времени на «дюльферке». Передо мной оказался вид на зияющий край зева, мрачного лаза пещеры. Он примерно на глазок размером в два—три человеческих роста, из нее тянуло темной прохладой, острым противным запахом гнили.

Судя по звукам, характерному писку исходящих из предбанника пещеры, там копошился выводок обычных мышей—грызунов.

Вроде чисто.

– Всё в порядке, можно продолжать движение, – обрадовал своих подопечных. – Так, за работу парни.

И четверка людей медленно поползла вниз, по неровному склону каньона. Я же просто висел рядом с входом в пещеру, ожидая остальных.

Меня беспокоило только одно – неужели «биорадар» ошибся?

Или сбой, какойнибудь у него, принимая семейку мышек за угрозу.

Меж тем точки на табло не унимались, продолжая непонятные перемещения! Сталкеры уже были на одном уровне со мной.

Михей, а он спускался рядом, оказался прямо над обрывистым входом в пещеру. Вдруг он, с громким криком, кинулся вниз:

– Погодь мужики, я сейчас!

Приземлившись на пол пещеры, мигот отстегнув карабины от основной веревки, и тотчас исчез в бездонной глубине пещеры!

Я не успел рта открыть, видимо Михай, узрев с высоты какой-нибудь дерьмовый зонный артефакт, бросился за добычей!

Меня всегда бесила эта тупая сталкерская привычка, невзирая на опасности, несмотря на преграды, бросаться за валявшимся «драгоценным» хабаром и нелепо гибнуть.

Столько таких полегло на моей памяти – не счесть.

Случайно глянув на табло «биорадара», я заметил, что точки начали активно ускорять траектории и менять вектор движения.

С запозданием надрывно запикал датчик тревоги!

– Да твою ж мать! – заорал в голос. – Всем тревога!

Из извилистой глубины пещеры послышались приближающиеся крики.

– А—а—а! – орал взмыленный Михай на бегу крича от ужаса:

– Там, там, эти...

Больше он ничего не мог вымолвить от шока.

И я увидел, что такое «там—там».

Пауки. Пауки—мутанты!

Огромные пауки, похожие на бронированных откормленных свиней, шагающих на многочисленных хитиновых конечностях.

События завертелись с быстротой, хаотично меняющейся картинки калейдоскопа.

– Живо вниз прыгай! – скомандовал Михею, доставая правой кистью гранату РГД-5.

Всегда с собой ношу гранаты, помня тот незабываемый случай, когда свора озверевших зомби зажала меня новичка, по дороге на Янтарь.

Когда патроны иссякли, в кармане комбеца случайно нашарил эргедешку.

В результате от кучи зомбаков остались лишь ошметки гнилого мяса, валяющихся на пыльной дороге.

Левой рукой, отработанным, многолетней практикой движением за спину, отвязывая принайтованную на простой узел, полуразобранную «первичку» – а кто знал, что так будет!

Моё любимое оружие в Зоне – «гроза оц—14».

Усовершенствованный «ствол». С возможностью ставить глушитель, прицел, с удобным складывающимся прикладом.

Еще можно переключать с коротких очередей по три выстрела, на максимум выстрелов, сколько есть в рожке.

Михей, смекнув, что от него хотят, со скоростью горной лани ринулся к своей основной веревке, хватаясь за неё и просто бросился вниз!

До дна каньона, до конца спуска, оставалось метров двадцать.

– Ничего, придумает что-нибудь! – оценивая обстановку, бросил с размаху «ргд» в недра пещеры, где слышался громкий скрежет хитиновых пластин и ужасных жвал, в быстро передвигающееся стадо пауков к выходу пещеры.

Дрожь стен пещеры, грохот разрыва, столб багрового дыма из зева пещеры. Разорванные в клочья останки пауков, желе кишков, оторванные хитиновые лапы, разлетающиеся в разные стороны, резкий запах горелого мяса.

Оторванные взрывом камни, покатались вниз.

Передние ряды разъяренных пауков, всё равно уцелели и полезли, выбираясь наружу во все стороны, нацеливая себе жертвы.

Пошла жара!

«Гроза» уже в руках.

Раз. Сложенный приклад встал на место.

Два. Полный магазин из разгрузки вщёлкнут на место, одновременно дернул затвор.

Три. Гранату «вог-25п» в подствольник «гп-25 костер».

Есть!

В сравнении с вог-25, «подпрыгивающий» боеприпас позволяет эффективнее поражать лежащего и находящегося в траншее или окопе противника – мой любимый прикол для врагов!

Я шарахнул длинной очередью, остервенело прущего прямо на меня огромного паука, алчущего крови и плоти.

«Гроза» зло задрожала в руках, изрыгая из ствола, без остановки, струю раскаленных пуль, вонзающихся в кошмарную шлемовидную голову громадного насекомого!

Башка паука разлетелась как спелый арбуз, остов хитина с грохотом, кувыряясь, полетел вниз.

Готов. Патроны 9х39мм – это вам не шутки шутить!

Подняв прицельную планку подствольника, я передвинул переключатель стрельбы с патронов на гранаты, снова нажал спуск.

Снаряд с ревом, оставляя после себя шлейф дыма, полетел вглубь многострадальной пещеры. Разметав по стенкам толпу напирющих пауков из глубины пещеры.

Повторить! Для профилактики от насекомых!

И тот же эффект. Но на место уничтоженных насекомых, неиссякаемым потоком шагали всё новые силы мутантов.

– Да сколько вас же там?! – воскликнул про себя.

Надо валить отсюда, прикрывать бедного Михея и остальную команду. Спустив узел «подстраховки» вниз, я заскользил вниз по веревке ускоренным «дюльфером»

Дюльфер – скоростной спуск по верёвке на крутых и отвесных стенах. Называется так один из первых относительно безопасных способов спуска, предложенный и введённый в практику в начале 20 века немецким альпинистом Гансом Дюльфером.

Неожиданный рывок ошарашил! Завязанный узел на самом конце «дюльферки» вмял узел подстраховки в «реверса»! Приплыли!

Веревка кончилась из-за передвижений на стене каньона.

М-да, не рассчитал малость.

А до земли метров десять, это примерно третий этаж жилого дома. Прыгать вниз не выход из положения, внизу куча валунов.

За что мне такое везение сегодня!

Смотря по сторонам, ища выход из положения, оглядел поле боя, оценивая обстановку: Михей копошился на дне каньона, на него перло вниз, деловито перебирая конечностями по стене скалы четверо мутантов! На остальных висящих сталкеров, Бороду, Креста, Четвертого напознали с десяток паучьих особей, стремясь окружить их со всех сторон.

... Я стоял у темного окна на кухне, и смотрел на городскую ночную улицу, молча и нервно затягиваясь сигаретой, выкуривая одну за другой. За стеной, не злобно ругая без особого азарта, пилила и ругала жена Лена. Да и было за что! Я кадровый боевой, за спиной две чеченских, российский военнослужащий – не мог обеспечить семью! За съемную хату надо, за детсад, на продукты. Иной раз нечего кушать, приходилось воровать тушенку со склада у старого прапора.

– Увольняйся ты со своей службы, устройся в ментовку, там и платят больше и вовремя, подработки разные есть, – уговаривала она.

Ладно. Решено. Завтра же пишу рапорт начальству на увольнение, далее иду работать в ментуру. Было пару мест уже предусмотрительно разведано моей благоверной; рота ППС, или полк ДПС.

Рядовым в низший состав, разумеется.

Всех этих служак презирал всей душой, да и все «контрабасы» тоже, считая их поганым вороньём поедавшими падаль.

Про подработки тоже был в курсе; крышевание, выбивание долгов, захват заводов (рейдерство), торговля, разборки.

Те же бандиты, только в погонах!

Воспоминания хлынули потоком прорвавшейся горной реки; служба, работа в ментовке, небольшой открывшийся бизнес жены, наезды, разборки с местной братвой, автокатастрофа и гибель Лены и сына, первая ходка в Зону, потом Индия, и вот сейчас вторая ходка в богом забытую землю. И что я искал, от кого бежал – не знал.

Когда погибла жена с сыном, то ушел в Зону, чтобы самому не застрелиться или не повеситься с горя.

...Я озирался по сторонам, ища спасительный выход из положения.

Да есть же! В воздухе почти на одном уровне и чуть ниже, покачиваясь мерно плыла воздушная аномалия «подушка», относительно недалеко, в метрах трех от меня. Идеальный вариант!

Нож из ножен, надрез—отметка на «дюльферке, толчок ногами от стены скалы, сгруппировавшись в полете взмах рукой, с остро заточенным лезвием как бритва сталью клинка по веревке.

Всё. Я свободен, как у Кипелова, и живой! Теперь находясь на «подушке» в относительной безопасности можно заняться помощью остальным. Воткнув новый рожок в «грозу», передернув затвор и «переводчик», принялся прицельно, чтобы не задеть Михея ненароком, начинать пауков свинцом. Не торопясь, как на учебном полигоне, стрелял по ним, разбрызгивая внутренности и разнося конечности мутантов, наседавших на Михея. Ему уже пришлось несладко, пару раз его задела клешни, поранив через комбез.

Через меньше полминуты всё было кончено, разваленные трупы пауков грудой громоздились возле радостно орущего Михея.

Мне определенно нравился этот весельчак сталкер, весь такой жизнерадостный, просто душа поёт!

Наверху тоже, без перерыва, работали автоматы остальных сталкеров: «вал», «калаш», «sig—600».

Борода и Крест, приканчивая свою часть пауков, тоже спустились на землю. Оставался на стене каньона Четвертый и хотевший достать его во что бы что не стало, упрямый паук. Похоже кончив все патроны, не зная, что делать, Четвертый пополз по веревке наверх.

Паук тоже стремительно рванул вверх, вдогонку за ним, наверно желая настигнуть и покончить с жертвой как можно быстрее.

Как назло мы оказались абсолютно пусты, расстреляны все магазины автоматов, которые находились под рукой. Находясь на «подушке», которая дрейфовала и опускалась к земле под моим весом, я кинулся вниз, благо осталось до земли метра три.

К чертовому Бороде! Который ковырялся в рюкзаке с нашим запасным боезапасом и почему-то завис в ступоре.

Замечая в тот миг краем зрения, что Четвертый невероятно ловким, кошачьим движением, засунул в пасть приблизившегося паука нечто, (гранату как оказалось), и начал суперускоренный «дюльфер».

Я никогда такого не видел и не делал – просто самоубийство так делать!

Паук взорвался на мелкие кусочки, осколки заодно перебили веревку, по которой скользил Четвертый.

До земли ему оставалось совсем немного, он полетел кубарем вниз на землю.

– Да твою ж ты мать *****, что ты делаешь *****!! – матеря всех богов и чертей подряд не жалея слов, нёсся к лежащему неподвижно Четвертому возле кучи валунов.

Добежав до него увидел, что он упал на заплечный рюкзак.

Ещё жив, вероятность 60%, механически отметил.

Сбросив, наконец, его шлем—маску, я оторопел!

Нет, я остолбенел! Я в полной прострации! – ещё один шок после другого. Под шлемом оказалось женское лицо, это девушка, женщина, молодая, симпатичная, с рыжими волосами!

Придя в себя, да и девушка пожалуй тоже, пошевелившись она открыла огромные, черно —синие кошачьи глазищи, и я не нашел ничего лучшего, как тупо спросить:

– Ты кто?

– Я Анна, – просто ответила она...

«Анна на шее»

История Анны. Слова лживы и обманчивы. Главное наблюдать за человеком...

Я родилась в обычной московской семье.

Когда была еще маленькая и ходила в детский садик, отец работал сначала мелким инженером в захудалом НИИ, мама была продавцом, стояла на рыночных рядах торговала на рынке. Маму я почти не помню, вскоре от неудачной беременности, как потом скажет папа, мама умерла, оставив нас вдвоем. Можно сказать, что меня полностью воспитал и вырастил папа.

Шли и летели годы, пролетая, куда-то ввысь, незаметно прошли летним ветерком наивные школьные годы, потом школьный выпускной бал, на Поклонной горе, как водится до зари. Пришла и ушла первая любовь, пробрав до дрожи по коже ледяным сквозняком.

Я тогда хотела покончить с собой, порезать вены, или с окна шагнуть. Вариантов было много, но спас папа, когда лежала в ванной, не отвечая на звонки. Он, вовремя выбив дверь, не позволил мне глупо умереть.

Папа в то время, круто приподнялся по карьерной лестнице, занимая должность заведующего современной научной лаборатории при крупном московском НИИ стали и сплавов.

Как было раньше, время на простое общения стало не хватать, когда в детстве мы каждые выходные выбирались, куданибудь гулять, в кино или в музей. У папы стала ответственная работа и должность, у меня тоже появились к тому времени свои тайны и секреты.

Но после того случая, папа взял к себе на работу простой практиканткой, на время заочной учебы в политехническом институте.

Подружившись с однокурсниками, я случайно узнала, что они занимаются в группе горного альпинизма. Неожиданно самой для себя, тоже решила попробовать в альпинизме. Загоревшись желанием преодолеть себя и свои страхи, восходить и лазить по горам, как заправская скалолазка.

Снова шли годы.

Я взрослела, набираясь потихоньку опыта жизни; работа, институт, альпинистские тренировки и сборы.

На бурную личную жизнь не хватало времени, но я надеялась и верила, что я найду свою половинку рано или поздно.

Мои немногочисленные подруги давно повыскакивали замуж и успели развестись. Давно нарожали детей от мужей, завидуя мне потихоньку, такой свободной и независимой.

Когда я спрашивала у подруг:

– Что вы больше любите на отдыхе, может быть горы?

Они отвечали, что теплое Черное море им привычней и милей.

А мне нравились только горы неприхотливой первозданной красотой и необъяснимо необъятными просторами.

Они закалили тело и душу, делая её крепкой, как базальтовый камень в горах Крыма.

Вскоре в один из прекрасных осенних дней познакомилась в кафе с парнем моей мечты. Его звали Павел.

Он был симпатичный, немного старше, образованный и что самое главное неженатым, и как тогда казалось, свободным как и я, без серьезных отношений.

И с ним я познала настоящего удовольствия в постели, чтобы искры из глаз. Мой папа с моей, и с его стороны родители, всю на свадьбу намекали. И правда, мы были красивой парой, муж он был бы просто идеальный. Вот, думала, и за что мне такое счастье подвалило.

Но тут папу внезапно вызвали в одну научную командировку, по его делам и исследованиям, я мало вдавалась в подробности.

Папа, утешая меня, говорил, что отлучка кратковременна и надолго не затянется. Немного переживая за отца, я успокоилась, и была занята предстоящими хлопотами и подготовкой к предстоящей свадьбе.

В то утро проснулась в прекрасном настроении.

Хотелось петь и танцевать. Мы должны были с Павлом после работы покупать обручальные кольца.

Приняла душ, накрасившись как юная девушка, надела лучшее платье, и отправилась на работу.

На работу обычно добиралась в метро, без пробок на московских дорогах и нервотрепок, несмотря на что у папы со мной есть своя машинка.

Прислонившись к свободному окошку, сидячие места как обычно заняты утренними бабулками, бездумно начала любоваться исчезающими в появляющимися вновь кабельными эстакадами, нескончаемо тянувшимися вдоль стен подземного туннеля.

Напоминавшие мне альпинистские тросы веревки, о горных вершинах, таких одиноких и холодных в гордом одиночестве.

Задумавшись о горах, взглянула на очередную остановку метро, краем взгляда заметила знакомую мужскую фигуру, до боли знакомую мне.

Это Павел, стоявший возле столба и обнимающей за талию молодую блондинистую стерву, одетую весьма легкомысленно.

Мир ушел из-под ног, как поезд метро с разлучницы остановки.

Увозя меня навсегда от любимого, и слезы застили глаза.

С трудом справившись со слезами, набрала на телефоне и отправила жениху парочку сообщений, со словами: «как ты мог так поступить со мной и нами...»

Павел молчал, не отвечая и не звонил, чувствуя, наверное, вину.

Придя на работу, бросив сумочку на стол, снова послала последнее сообщение: «пошел ты нафиг, козел!»

Телефон пискнул, говоря, что сообщение отправлено и доставлено.

Зазвонил телефон, что было вполне ожидаемо, назло не беря трубку, еле еле сдержавшись, чтобы не наорать и послать потом лесом жениха козла. Придя в себя, наконец, взяла телефон, чтобы принять настойчивый вызов. Оказалось не Павел.

– Аня, Анна, ты слышишь меня? – мягко спрашивал Сергей Петрович, знакомый и старинный друг, соавтор научных работ отца, заведующей другой лаборатории при этом же институте.

Конечно, он хорошо знал меня.

– Здравствуйте, да я слушаю, Сергей Петрович, – отозвалась, снова вытирая слезы, упрямо покотившиеся из глаз.

– Послушай Аня, тут такое дело, ты слишком не переживай, может все обойдется... – Сергей Петрович, не мог долго сказать что-то важное.

– Что случилось, не тяните, пожалуйста? – снова во мне оборвалось тонкая струнка натянутых нервов.

– Научная экспедиция, где твой отец, не выходит на связь несколько дней, мне жаль, – с трудом выдавил из себя Сергей Петрович.

– Неужели нельзя ничего сделать?! – от безысходности голосок сорвался, чуть не переходя на плач, и что за денек такой выдался сегодня!

– Ну, ну, Аня, успокойся, как я слышал, собирается поисковая группа в район пропажи экспедиции, – успокаивающе говорил Сергей Петрович.

С трудом, слыша как чужой голос твердо сказала:

– Я должна быть там, в той поисковой группе, я сама должна найти папу, живого или мертвого. Вы должны мне помочь в этом, если вы еще цените дружбу и память отца.

– Хорошо. Я подумаю, что можно сделать, перезвоню через час, – сухо и деловито ответил друг отца.

Осмысливая свои потом слова, я думала, что поступаю правильно.

Ведь здесь меня ничего не держало, мечты о женском счастье сгорели дотла как спички, больше никого не осталось на свете, родней папы никого не было и больше не станет.

Я должна его найти, во что бы то ни стало на этой земле, где бы он не был.

Вскоре зазвонил телефон, схватив его услышала в трубке незнакомый мужской голос:

– Анна Петровна, это вы? Поднимайтесь в приемную, вас ждут.

Не мешкая, побежала наверх, где находилась кабинет директора института.

Возле добротной двери приёмной, стоял незнакомый представительный мужчина с кожаной папкой в руках.

Окликаая меня, он жестко спросил:

– Вы Анна?

Одновременно посмотрев на мой рабочий институтский бейджик, холодными водянистыми глазами, в которых плескались холод и сталь.

– Здравсте. Да, я Анна, – поздоровавшись, утвердительно кивнула головой.

Доставая из кармана костюма красное удостоверение, мужчина представился:

– Арнольд Александрович, из «конторы», – глазами он показал наверх. Раскрыв папку, он стал медленно перелистывать страницы, приговаривая:

– Так, альпинистская подготовка.

– Навыки стрельбы.

– Не замужем, детей нет.

– Опыт научной работы.

– Что ж, вы нам подходите, – закрывая папку, отрезюмировал Арнольд Александрович.

– Подхожу, для чего? – недоуменно спросила.

– Не всё сразу, – остановил вопросы человек из «конторы».

– Ваш отец работал над заданием, под названием «проект отступник».

Вы слышали об этом? – сверля пустыми глазами спросил чиновник.

– Нет, отец мало рассказывал о работе, и сама не лезла в его дела, – сказала словно оправдываясь.

– Так вот, сам «проект» заказан и курируется главой Роснано, лично Борайсом. Кратко говоря, «проект отступник» занимается исследованиями в разработке и в селекции нового сорта людей, то есть в создание нового типа биороботов.

– Вы понимаете, о чем речь? – прерывая беседу, спросил чиновник.

– Да, да, вполне, но причем тут наш обычный институт металлов и сплавов? – пролепетала.

– Теоретически, все основные, сверхсекретные разработки и работы ведутся в концерне Роснано, но все непосредственно испытания созданного «прототипа» и научные исследования «образцов» ведутся только на территории Чернобыльской Зоны Отчуждения. Куда был направлен ваш отец, с научной экспедицией, где она пропала сейчас. Наша общая цель найти экспедицию, или что от нее осталось, но будет пара условий для вас.

– Вы меня понимаете? – снова прервав объяснение, спросил суровый чиновник.

– Я согласна на всё, чтобы найти отца! – уверенно ответила.

– Отлично, другого не ожидал ответа, – похвалил бездушный чинуша.

– Пройдемте в кабинет, там ознакомлю с вашим непосредственным заданием, заодно подпишем о неразглашение гостайны, – распахивая передо мной дверь приёмной, проговорил комитетчик.

Дверь за мной аккуратно закрылась, и беседа продолжилась за закрытыми дверями офиса, откуда сам директор тактично удалился...

Вскоре после беседы с чиновником из конторы, написала заявление о бессрочном отпуске и швырнула на стол заму отца.

Не глядя и не оборачиваясь, побежала собираться в дальний путь.

Зайдя в первую попавшуюся парикмахерскую, попросила постричь покороче и перекрасить в какойнибудь другой цвет, например, посмотрев на мастера парикмахершу, как у вас в рыжий цвет.

Лежал в кармане билет на ближайшей поезд, выданный мне сотрудником «конторы» к условленному месту, где должны встретить его подчиненные агенты. Потом провести дальше, в гиблую и пропащую Зону Отчуждения.

... – Ладно, разберёмся. А меня, как ты знаешь, Джоник, то есть Женька, Евгений, – поправился. Джоник – с бурной, хулиганской молодости.

Тогда учился в ПТУ. Кругом расцвели видеосалоны, где крутили сутками американские фильмы боевики. И пошла мода на все заграничное: джоны, майклы, сэмы. Прозвище Джоник так и прилипло, потом в армейке, в «спецухе» позывной, да и здесь за периметром Зоны осталось.

Благо мой крестник в Зоне, проницательный сталкер Голландец не стал слишком мудрить и оставил как есть, то есть Джоника.

Знакомство повторное и краткое, снова на бегу, состоялось.

Сейчас не до долгих разговоров, впереди много задач, которые надо решать по мере поступления.

Подбирая легкий пластмассовый «sig», он упавший валялся неподалеку от нас, спросил, кивнув на стену каньона:

– А где так лазить то научилась? Явно не в институте благородных девиц!

Анна засмеялась, тряхнув рыжими короткими волосами, которые освободившись из-под шлема красиво рассыпались по воротнику комбеза:

– Нет, конечно, так с юности, занималась в спортивной секции по альпинизму. А потом тренировки всякие, соревнования различные.

Сборы в Крыму почти каждый год. И там прошла: «Шаан—Кая: стрелу 5б», «Куба—Кая: Марсала 5а», «Малый Кильсе—Бурун: скальная хирургия ба».

Да так, ещё лазила по мелочи, – с гордостью добавила Анна.

Я присвистнул от удивления!

5а/б – это очень сложные маршруты.

ба/б – наиболее сложные маршруты, которые проходятся на самом пределе человеческих возможностей.

Это вам не мелочь тырить по карманам, как говорил наш старлей в армейке. Вот оно что, Михалыч.

Конечно, я знал эти маршруты, каждый сезон «воронов» отправляли в Крым на сборы—тренировки, на условия максимально приближенные к реальной боевой, так сказать. Немало там мне пришлось попотеть от страха, вися на «карнизе» маршрута «сокол 5б», практически без ничего. Вся «снаряга» случайно упала вниз и...

Я чуть не поседел от всего ужаса, что пережил там.

Да, даже для меня, мужика «контрабаса», маршруты были очень сложными, я тряхнул головой, отгоняя невеселые воспоминания о сборах.

– Ну что, можешь идти? Давай помогу что ли, – без всяких предисловий и ухаживаний, взял девушку под мышки, помогая ей встать на ноги.

Анна подобрала шлем, прихрамывая после падения, опираясь на меня шагала рядом, позвякивая карабинами.

Мы шли к группе сгрудившихся после стычки с мутантами, остальных сталкеров, расположившихся возле небольшого валуна.

По мере того как мы приближались, болтовня команды стихала.

Мужики оторопело, широко раскрыв глаза и рты, смотрели на Анну, наверно находясь в таком же шоке и в легком трансе, как недавно я!

– Что замерли, бабу живую не видали никогда что ли?! – грубо, приводя в чувство, крикнул на них.

– Так. За работу. Крест определись по маршруту, и по Выбросу!

– Борода, раздать всем патроны и довольствие! – командовал споро.

А бедный Михей, покрасневший за пошляцкие байки, копошился, кряхтя от боли и стыда, пытаясь, что-то сделать с ранами на руке и на ноге!

– Ну-ка, дай гляну, – сказал, доставая навороченную аптечку.

Подсев к Михею, вскрыл ножом штанину, рукав, и что он там успел уже налепить на раны.

Раны не очень серьезные: шипы на клешнях мутантов рассекли кожу до мяса мышц.

«Ничего, жить будет», – подумал.

Из аптечки извлек несколько запроваженных лекарством одноразовых шприцев и пузырек с «жидкой кожей».

Всадил по два укола на каждую рану, один заживляющий, другой обеззараживающей. Так по инструкции надо делать.

Открыл пузырек и полил «жидкой кожей» раны.

«Жидкая кожа» – лечебный клей, ускоряет заживление ран.

Так! То что дохтор прописал!

– До свадьбы заживет, – пошутил над засмущавшимся Михеем, кинув ему рулончик лейкопластыря, остальное пусть сам.

– Точку нашел, маршрут готов, Выброс через полчаса, – отозвался Крест, тыкая пальцем КПК.

Борода, молчаливый как слон, разложил по долям наш «нз».

Перышки почистили и погнали в путь, поговорка незабвенного старлея. Все дружно засуетились, сбрасывая с себя, ненужное более, альпинистское снаряжение в кучу, молча укладывая припасы в рюкзаки, патроны и магазины в разгрузку.

За рваный комбез Михея и малый запас боекомплектов, не беспокоился; нас ждал груз с полным «фаршем» всего, от «А» до «Я».

А вот скоро выброс, это уже опасно для нас.

Выброс в Зоне стихийное природное явление.

Такой всеобщий смерч на всём пространстве с полным набором смертельных излучений: пси, радиация, электромагнитных волн и еще много чего опасного, для всего живого.

Спасение от него, только в так называемых убежищах: пещерах, подвалах, лежках, скронах. Короче говоря, укрытий.

Попав под выброс на открытом месте, человек даже пусть полностью одетый в «сеvu», под действием всяких излучений в течение двух дней, мутировал, превращаясь в зомби.

«Сева» – спецкостюм ученых, предназначен для работы в особо тяжелых аномальных условиях. Изготовлен костюм с применением вставок свинца, берилла, титана.

Полностью герметичный, автономное воздухопитание.

Выбросы происходят в разное время, но с завидным постоянством. Мутанты, звери— мутанты, приближение выброса чувствуют заранее.

Они или прятались в убежища или перли напролом на заборы Периметра, где и гибли под стволами бравых вояк. Нас же, сталкеров предупреждали о выбросах местные ученые. Скидывая в сталкерскую сеть, сообщения с предупреждениями и остатке времени до Выброса.

Зона странное место: здесь не водились птицы, ни больших, ни малых, не было зимы, снега, морозов, да много странностей у этого места на Земле.

– Выдвигаемся: я впереди, Крест замыкает! – распорядился, и мы цепочкой след в след, индейской колонной, трусцой побежали, ускоренным шагом, ища хоть какое нибудь укрытие от приближающегося выброса. На ходу, в движение группы, посматривал в нагрудный бинокль. Стоп. Мелькнула в окулярах бинокля, темная тень расщелины, на другой стороне каньона. Небольшой крюк, но подойдет за неимением лучшего варианта. Махнув рукой, показывая направление нового движения, я начал прокладывать путь к спасению, предупреждая и обходя встречные аномалии, в основном «электры». Благо с собой имелся детектор аномалий, который нёс в руке, сканируя пространство перед собой.

Расщелиной оказалась небольшая пещерка, углубленная вниз, подоспевший отряд с облегчением устраивался и располагался в глубине пещеры. И вовремя, уже начиналось светопреступление.

Выброс разразился серией росчерков на небе, сверкающими клубками молний, тысячами фейерверков запущенных в воздух, всех цветов в радуги, клубки свистяще тугого воздуха смерчей, крутятся, свивались, в один большой и уносились в самое сердце Зоны. Кругом разносилась канонада звуков грома, треск и взрывы разряжающихся аномалий.

Капли воды ринулись вниз как под напором, извергаясь с небес.

Само небо наливалось то красным, словно там сверху светило рубиновое солнце, то черным как флаг пиратов, то вспыхивало на мгновение ослепительно белым. Я поспешил в глубь укрытия, начинала болеть голова, виски сдавливало как невидимым обручем, но скоро должно пройти недомогание. Можно принять пару таблеток, нейролептиков «бипсизина», только с водкой они плохо совмещаются, я то рассчитывал перед сном как раз принять немного на грудь, этого народного средства.

Природная катавасия вскоре закончилась, оставив на память, возле входа в укрытие кучу снесенных водой и ветром валунов, пару стволов деревьев, вырванных с корнем, принесенных ветром вниз каньона.

Вот и дровишки на костерок подумал, махнул Кресту, советуясь с ним:

– Может быть, здесь на ночлег останемся? Всё равно скоро потемнеет.

– Почему бы нет, отдых бы нам не помешал, – согласился Крест.

Снова мы засуетились, готовясь к вечернему привалу: Михей и Борода занялись костром и дровами, Анна раскладывала по походным мискам ИРП—5. Армейский сухой паек, индивидуальный рацион питания.

Кроме разнообразной еды, в него входят мини горелка, таблетки сухого спирта, таблетки для обеззараживания воды, жевательная резинка, зубочистки, пакетик спичек, пакетики чая или кофе. Всё предусмотрено для выживания. Только презервативов нет.

Я принес воды дождевой в чайнике, намериваясь приготовить чай.

Между делами, кратко представил Анну мужикам, рассчитывая, что она потом сама расскажет; кто она и зачем здесь появилась в Зоне.

Вскоре костерок горел, давая тепло и свет, который освещал небольшую пещерку. Подвешенный над огнем чайник кипятился, медленно сгущались сумерки на выходе, слышался вой и звуки далеких мутантов Зоны. Романтика.

– Что, командир, по чуть—чуть, для профилактики? – заводила Михей, ловко сковырнув пробку на бутылке «сталкеровки», разливал на всех в поднесенные чашки, предлагая также Анне.

Я сам сторонник сухого закона в переходах и рейдах, предпочитая больше набрать оружия, патронов, припасов.

Да реакция и скорость не та будет, а значит, после веселой ночевки можно будет не проснуться, погибнув от рук какого нибудь случайно заблудшего зомби или снарка. Но здесь нас много, и не повредить пару глотков для настроения. Я хлебнул теплую жидкость из чашки,

чувствуя, как тепло расходится внутри по венам, наступало время расспросов, ведь водка вызывает язык.

– Анна, присаживайся к нам поближе, не укусим чай, рассказывай, что ты за такая птица, каким ветром залетела сюда? – начал расспрашивать, суровый Крест. Анна, неумело выпив и закашлявшись после порции водки, принялась нам рассказывать, что она Анна Арбалевская, дочь одного ученого, Петра Владимировича Арбалевского.

Работающий в институте металлов и сплавов, из которого направили в командировку с научной экспедицией сюда в Зону. После того как эта экспедиция перестала выходить на связь она, бросив все дела, попросила старых знакомых отца, отправить её вместе с поисковым отрядом, то есть с нами.

... – И должна его найти, живого или мертвого, чтобы ни случилось! – сжимая кулачки Анна, едва не ревела, сдерживая слезы на глазах.

Слушая рассказ Анны, незаметно кивнул Кресту, показав на свой «наладонник». Крест понял, достал КПК и принялся рыться в нем, отправляя сообщение.

У Креста есть хороший знакомый, кореш ученый, хакер Юрка Яндекс с Янтаря, который частенько нас выручал различной информацией.

Вот сейчас, с помощью его, легко пробьем человечка, как говориться.

Крест, минут через пять, подошел:

– На Джоник, глянь, полюбуйся какие виды.

Протягивая включенный КПК, с таким видом, как будто он дает посмотреть «веселые» картинки.

– Давай, заценим, – решив подыграть ему, беря КПК.

Пролистнув и прочитав страницу сообщения собранной информации, я вернул КПК.

Крест вопросительно посмотрел, как спрашивая – что скажешь?

Пожал плечами, как отвечая – дескать, я сам без понятия.

Да, всё сходилась: Петр Владимирович Арбалевский, действительно есть такой ученый, работает в НИИ металлов и сплавов, отправлен в командировку, пропал без вестей неделю назад вместе с научной экспедицией, жена умерла двадцать лет назад, осталась дочь от брака.

Я призадумался. Тренированное чутье не давало покоя: было не так все просто, как выглядело на первый взгляд. Обычный московский НИИ, простой ученый доктор наук, дочка тут нарисовалась.

Не спеша съел питательный рацион, запил его крепким чаем, и меня вконец разморило от тепла и еды.

Вяло сказал Кресту распорядиться насчет дозора кто будет первым и далее, поплелся в разложенный походный спальник, укладываясь и заворачиваясь.

Слушая вполуха трепотню команды, и прикрыв глаза, вспоминал, как начиналась история...

«Предисловие. Как всё начиналось»

За несколько дней до всех событий»

Я сидел в утреннем, придорожном кафе, расположенном на автомобильной трассе Воронеж—Чернигов—Кирова.

В кафешке не переставая звучала музыка и песни Ирины Круг, звонко и громко из динамиков музыкального центра, нагоняя тоску и печаль на мою душу. Сидя за столиком пил горячий крепкий кофе, сваренный бездушной заграничной кофемашиной, который подносила белокурая девушка официантка.

Потреблял коричневое пойло, гордо именуемое кофе «капуччино», маленькими чашками, коротая тяжкое ожидание, чтобы немного взбодриться после бессонной ночи.

Я просто ждал...

Вчера я был, в так называемой, увольнительной.

Военные, которые стояли на блокпосту возле Кордона, меня всегда без слов пропускали. Правда, за маленькие презенты, я то с ними дружбу не водил, иногда оказывая небольшие услуги военному начальству, встретить—провести. Тамошний главный, полковник Калязин, строго настрого приказал воякам меня не трогать и пропускать меня, когда я пожелаю. Я же просто хотел немного развеяться и просадить некоторую сумму денег. Зона до чёртиков в печенках сидела.

И ночью в воронежском ночном клубе «Пятаке», я познакомился с одной очаровательной девушкой Милой из городка Славутич.

А клуб вчерашний был так себе, мягко говоря, не очень понравился.

Вот помню, был один клуб, который обосновался прямо на территории обанкротившегося завода. Он так и назывался «Завклуб», где я там нализался в стельку, и меня выводили подземными, плохо освещенными, заводскими коридорами, на выход, через заводскую проходную.

Когда выходил на улицу, так прямо и неожиданно, ко мне подкатили родные менты, под козырек.

Что такое гражданин, нарушаем общественный порядок, протокол, всё как обычно. Я сам «пепс» уже был к тому времени.

Им говорю внятно, как мне казалось, что я свой, меня не надо трогать.

Потом по привычке своей «вороновской», обезоружил мента.

Заломил хитрым приемом кисть наглому, хамоватому сержанту, с табельным «пм», которым он начальственно, тыкал мне в лицо, объясняя кто я такой и где мое сейчас место.

Пальба, стрельба в воздух, всё такое.

Весело особенно стало, когда на газели «СОБР» подкатил.

Целая спец. операция, против маленького Джоника.

Когда стало не до шуток, выкинул «пм» пустой, лег на мокрый холодный асфальт, сложив руки на затылок!

Отпинали по ребрам подкованными ботинками для порядка, скрутили, надели наручники, упаковали в машину.

Дальше «губа», пропердон и ковер от начальства, понижение в звание. Ошибки молодости, наверно как было у всех...

Да, кофе в кафе, надо признаться, был так себе, горячее пойло с коричневым цветом.

В чернобыльской Зоне ходили байки об вольном сталкере, который был помешан на кофе. Его так и прозвали Арабика по названию сорта кофе, эту марку кофе он предпочитал употреблять.

В своем рюкзаке он носил не патроны, питание и хабар.

А таскал кофемолку, кофеварку, специальную конфорку для варки, в общем всё, что нужно для приготовления кофе в походных условиях.

Да еще сам кофе в Зоне стоит бешеных денег, даже обычный растворимый. Рассказывали сталкеры: присядет он значит, гденибудь на привал, поставит конфорку на костерок, варит свой кофе в маленькой кофеварке. Вокруг запах, аромат свежесваренного черного кофе разносится, натуральный, ядреный, настоящий, аж слюнки текут.

Шутили над ним другие вольные, что на манящий запах, все кровососы в округе сбегутся, и будет он служить как приманкой.

Но он свой кофе редко кому из сталкеров давал на пробу: «Пейте, говорит, лучше свою палёную водку».

Да и правда, «сталкеровка» разливалась здесь же, в подземных и секретных подвалах у местных барыг торговцев.

Я сидел и ждал Людмилу.

С ней мы условились встретиться здесь в этой придорожной кафешке на автотрассе. Она пришлась мне по нраву, я ей тоже и мы решили, не откладывая на завтра, вместе свалить отсюда навсегда, куданибудь в теплые страны. Благо документы загодя сделаны и деньги лежали на моих счетах в разных банках и странах.

Да и возраст не тот, чтобы вечно скакать и прыгать, уже сорок с плюсом, пора на пенсию, на заслуженный отдых.

Только ждал битых целых три часа.

Медленно шло время, её телефонный номер который набирал время от времени, был отключен, молчал как рыба об зимний лед.

Абонент не в сети рассказывал вежливый автоответчик и просил оставить сообщение. Так и делал, наговаривая сообщения на автоответчик.

Неожиданно зазвонил мой молчащий мобильный, с незнакомым номером.

Я поднес трубку к уху:

– Алло, да я слушаю?

– Слушать ты в петушатне будешь! – грубый, мужской, с блатной интонацией, проговорил голос.

– Ты что ли, будешь Милкин хахаль?

– Можно и так сказать, я буду, – утвердительно ответил, не став сразу лезть в бутылку разбираться. Сначала надо понять, кто это и что представляет.

– Тут дельце имеется насчет тебя и её, небольшое. Приезжай на хуторок Броды, пообщаемся, погутаим о том о сем, о делишках наших грешных. Как подскочишь туда, спросишь Калгана, тебя проводят и встретят, как отца родного. – Хохотнул голос с неприкрытой издевкой.

– Я всё понял. Постараюсь, скоро буду, – вежливо согласился и нажал отбой. Почему и нет, я завсегда за разговор и общение пусть не такое приятное. Можно поговорить иногда, не всегда стрелять и убивать, говорил сам себе, заранее настраиваясь на миролюбивый лад.

Ну, подумаешь, бакланы бандиты, хотят стясти деньги, за что-то там.

Да отстегну малость, не обеднею чай.

Заплатив за пойло, вышел из кафе и стал ловить попутку, которая довезет меня, хотя бы до поворота на эти самые Броды, сам точно не знал дорогу, только приблизительно.

Поймал, наконец, старый жигуль, водителем которого оказался пожилым сельчанином украинцем, с местным говором, с седыми казачьими усами. Кое-как, изъяснившись с ним, я втолковывал сельчанину, что мне нужно попасть в Броды, к тому же заплачу ему за извоз с лихвой.

– Та будь, матка ихня нелатна, эти Брода, людци там поганенькие, зараз проживати, – с горестью делился со мной переживаниями бывалый дед, лихо крутя баранку авто по одноколесной пустой шоссейке.

Как понял, этот хуторок сейчас заброшен. Местные жители кто помер, кто съехал в другие места, где получше и слаще жизнь.

Опустевший хуторок, с недавних пор, облюбовали местные бандиты, под свое логово. Договорился с дедом что он, только подбросит до поворота с дороги шоссейки, там уж сам доберусь до места.

Доехав, до почти незаметного поворота на заросшую травой грунтовку, рассчитался с дедом, вышел из жигуля и кивнул ему на прощание.

Дед, в ответ пожелал удачи, сказал что-то по-украински, да и помчался дальше, по своей дороге к дому.

Стоял день, светило вовсю солнце, одет по-городскому, не для таких прогулок по сельской дороге.

Снял модный пиджак, и повесил его на плечо.

Вытирая пот с лица, не торопясь, брел по заросшей бурьяном грунтовым колеям. Из-за поворота, невидимого за густыми деревьями, внезапно вывернул большой черный внедорожник, сыто порывкая дизельным движком, и покатил на меня.

Еле успел отшатнуться к обочине дороге, повернулся посмотреть на наглых ездоков. Тотчас из окна джипа высунулась чья-то рожа и прокричала на ходу:

– Слышь ты, радиоактивное мясо, там тебя подарок ждёт не дождётся.

Нехорошее предчувствие полезло в душу: сходил, называется за хлебушком. Я стоял на месте и обдумывал, что делать дальше, но события закрутились без моего решения.

Из-за того же поворота, с ревом выкатился старый мотоцикл «Урал» с коляской.

В лицо уставился дергающейся от тряски черный зрачок «калаша», сидевшего в коляске мотоцикла молодого бритого парня, с волчьим взглядом голодного хищника.

Таких отморозков не спутаю никогда, повидал на своем веку.

Сидевший за рулем, парень такой же наружности, направил драндулет прямо на меня, намереваясь явно наехать или сбить с ног.

Всё. Раздумий не было.

Меня уже не существовала.

Осталась лишь машина для убийства.

На автомате, подпрыгнул вверх и чуть вбок, бросая пиджак водиле в лицо, ослепляя его на время.

Ноги на уровне коляске – черед второго настал.

Хлесткий удар ногой в воздухе, и «калаш» выбит из рук, и летит на обочину.

Тут же, всё сносящим, оглушающим ударом коленом в голову.

Мы оба летим тоже вместе на землю.

Захватил смертельным приемом шею с головой, сворачиваю её набок, слышится треск и хруст разрываемых шейных позвонков.

Готов.

Подобрав выбитый «калаш», подбежал к перевернутому набок мотоциклу, который надрывно рыча крутил бесполезно колесами.

Придавленный тяжелым «Уралом» парень пытался вылезти из-под него, ручкой газа ему пробило живот, хлестала кровь.

– Помогите мне, ведь я не при делах, мужик, умоляю не надо... – парень, корчась от боли, хрипя, умолял о помощи.

Всё равно уже не жилец, отметил безучастно.

Прицельно, чтобы ни мучился, хладнокровно нажал на спуск.

Звук короткой очереди слился с ревом мотора мотоцикла.

Ещё один взят грех на душу, сколько таких грехов еще будет впереди, ведает только один бог, или кто там еще обитает на небесах.

На всё про всё ушло меньше полминуты, я подняв ствол «калаша» вверх, желая проверить на прочность корпус джипа, но того и след простыл.

На душе завывли смертным воем зловещие черные кошки.

В голове включился и зазвенел, не просто маячок, а целая сирена интуитивной сигнализации.

Я ринулся, рванул со всей мочи к долбаному хутору, откуда и появились чертовы джип и «Урал».

На бегу закинул автомат за плечо, продолжая ускоренно бежать, по едва виднеющейся полосе грунтовки.

Хутор оказался поселением в пять домов, покосившихся, то ли от старости, то ли от всей неприглядной жизни.

Ворвался в старую хату, в первую которая попалась, дверь её не заперта да не проблема для меня, открыл дверцу в комнату – увидел ненаглядную Милу. Она полулежала в луже крови еще теплой и не засохшей, с перерезанным горлом около немытого давно окна. Бессмысленно щупать пульс под горлом и на руке.

Я бессильно завывл в голос, в холодной ярости, как матерый волк вожак стаи, который теряет любимую волчицу.

Так. Автомат в руки.

Ствол в лоб, палец на спуске.

Пришла мысль покончить со всем этим.

Я стоял и смотрел, как совсем недавно, в дуло «калаша» направленное в лоб. Всего лишь движение пальца отделяет меня от жизни, закидывая в безмолвную вечность.

Я стоял с автоматом в руках, направленным на себя, размышляя: кто и за что, кто и за что – в мозгу билась только одна мысль.

Внезапно дошло, что лучше сначала как следует отомстить за смерть Милы, за поруганное желание жить спокойной и обычной жизнью обывателя. А потом на вечный покой можно будет отправляться с чистой совестью. Так и порешим.

Не придумав ничего умнее, обтер подвернувшимся рушником «калаш», закинул его в бревенчатый сруб колодца, который был на подворье. Холодная вода мягко приняла оружие, с небольшим всплеском на зеркальной поверхности. Вернувшись в хату, осматриваясь внимательно обстановку в комнате, увидел на столе листок бумаги с пятнами крови. Взял бумагу и стал читать содержимое, там написано сначала аккуратным почерком: «Здорово Джоник. Наслышан о тебе много. У меня к тебе дело имеется срочное и важное, с баблом не обижу. Подходи на Юпитер, будешь на подходе маякни, тебя встретят. Боров».

Вторым почерком, точнее печатными буквами, с кровавыми отпечатками, было начертано: «Пы сы, а это мой подарочек тебе петушку е****. Калган».

Ясно. Вы уже трупы, только еще не знаете об этом.

Записку взял, аккуратно сложив, положил в карман.

Борова знал и слышал о нем не раз, правда, встречаться с ним не приходилось еще лично. Но по слухам и байкам это очень авторитетный человек, который объединил под своим крылом всё разобщенные мелкие группы бандосов в Зоне, в своем волчьем логове на бывшем заводе «Юпитер». Калган, скорее всего, служил мелкой шестеркой на побегушках у Борова, за него раньше не слышал ничего.

Послышались приближающиеся звуки воя ментовских спецсигналов. Похоже, нашлись доброжелатели, пора валить обратно на родину, подумал выбегая из хаты, устремляясь в близлежащий лесок.

На бегу достал телефон и включил gps—навигацию, нужно время, чтобы gps-маячок в телефоне определился с геолокацией.

Скрывшись полностью в редком лесу, остановился для передышки запланировать дальше маршрут движения.

Глянул на открывшуюся карту на дисплее: быстро посчитал, что от точки, где находился до блокпоста в Зону, если напрямую, километров пятьдесят не более. Но это через болота и речушки, коих в этой местности предостаточно.

Да плевать! Напрямки самое то, всего сутки переходу.

...Полковник Калязин с утра был не в духе, получив по ВЧ—связи, нагоняй от вышестоящего руководства.

На кону поставлена карьера и всё остальное: пенсия, безбедная жизнь, где нибудь на Мальдивах, в гамаке с красивой и стройной мулаткой островитянкой, неспешно попивающим ром из хрустального фужера со льдом и соломинкой.

Вздыхнув о желанной мечте, он вытащил из сейфа полную бутылку водки, откупорил, и аккуратно налил в граненый стакан.

Выпив не закусывая, подошел к окну кабинета, там как раз разгорался непонятный шум и гам. Его орлы, оцетинившись стволами автоматов, не пускали на блокпост грязного оборванца, грозя пристрелить того. Оборванец же, наоборот, в наглую как танк пер на них, невзирая ни на что. Полковник снова вздохнул, отходя от окна, снова наливая водку в стакан, приговаривая про себя:

– Что за мир! И что за люди такие бестолковые на этом свете, читать не умеют что ли.

На блокпосту висел транспарант, в виде арке, где большими красными буквами написано – Блок Ада.

Ор разгорался с новой силой. Калязин выпил, на этот раз закусывая бутербродом с ветчиной, вновь подошел к окну.

Ба!! Да это же сам Джоник! Присмотревшись внимательней Калязин, узнал в заросшем оборванце местного проводника, легенду Зоны.

Как говорить, да на ловца и зверь бежит!

«А жисть то налаживается!» – подумал обрадовано полковник, открывая окно и крича пропитым командирским голосом:

– Всем молчать. Этого ко мне. Быстро!

...Я снова сидел, на этот раз на военном блокпосту, оборванный и грязный в болотной тине в кабинете полковника.

Угощался хорошей водкой, предложенной полковником, выпивая вместе с ним, наслаждаясь кратким отдыхом после изнурительного перехода с «гражданки».

Довольный и хитрый, как старый лис, Калязин, предлагал и уговаривал меня битых два часа – провести одну поисковую группу в почти самый центр Зоны.

– Послушай Джоник: проведешь группу, и всё, свободен как птичка, да с большими бабками, да ещё какими. Понимаешь Джон, это очень важно и срочно, – разомлевший и полупьяный полковник, ласково, почти по отечески, просил меня. Меня! – целый полковник, какого-то несчастного бродягу по жизни.

– Да я понимаю, дело не в деньгах, с собой их в могилу, всё равно не смогу забрать, как ты знаешь, Полкан, да и пока бабки, сумел наскрести немного, – по дружбе я его так и называл иногда Полканом.

– И проблемы у меня тут нарисовались личные, надо бы решить их поскорей, – выкладывал свои карты на стол.

– Не вопрос, поможем. Вот давай так сделаем: ты помогаешь мне, а потом я тебе, и заметь, без-воз-мездно. К тому же, ты не русский что ли, ведь там пропали наши люди, ученые,

несколько моих пацанов тоже, ты же сам ведь бывший военный, – хитрый Полкан, заходил и так и сяк, давил на жалость, сулил денег и помощь.

Вконец, выпив около литра водки с Полканом, я сдался:

– Ладно. Договорились. Задаток на мой счет закинешь, номер знаешь, и насчет помощи, рассчитываю тогда на вас.

– Слово русского офицера! – пьяный Полкан, еле стоя на ногах, пытался обнять, облобызать на прощание, но я отстранился и лишь подал руку для дружественного пожатия. Ненавижу здороваться за руку, особенно со всеми подряд. Хорошо военному начальству, честь отдал и всё.

Ладно бы, там были бы люди хорошие, или друзья самые закадычные.

В настоящей зоне для заключенных или в колониях, если поздоровался за руку с опущенным, «фуфелом», или «чертом», по незнанию или случайно, то сам автоматически становишься таким же, «зашкваренным».

Не отмыться или исправить это уже никак нельзя.

Вспомнились сейчас зачистки во взбунтовавшихся мордовских ИТК.

В Зоне почти не с кем не здоровался за руку, иной раз головой кивну в ответ – и всё, хорош и на этом.

– Вас, любезный мой сеньорр, подвести, может? – учтиво поинтересовался Полкан, пьяно пошатываясь на ногах.

– Не откажусь, от предложения, ссударь, – я был сама вежливость.

Калязин включив рацию, пьяным голосом заорал в неё:

– Машину ко мне. Отвести его куда скажет. Живо. Исполнять! —

Полкан явно не церемонился со своими служаками подчиненными.

Через минуту я садился в поданный к подъезду служебный «УАЗ».

Полковник заорал напоследок, через открытое окно:

– Снаряжение и всё остальное получишь у Сидора. Точку сбора, все инструкции пришлю на КПК. Всё, пока. Удачи.

Понятно. В ответ помахал ему ручкой, далее мы помчались на Кордон, к Бару. На Кордоне бар назывался «Шти».

Почему такое название «Шти», странное, спросите вы.

Тогда в 2002 году, когда Чернобыльская Зона вспыхнула и содрогнулась во второй раз, от сверхмощного взрыва в результате секретных научных экспериментов, образовалась Зона Отчуждения.

Потом малу—помалу возникло сталкерское движение.

Узнав про него, после гибели жены отправился сюда, вместе со второй волной нахлынувших старателей. Когда прибыл сюда зеленым новичком первоходом, на Кордоне творился хаос и запустение, жизнь едва теплилась на пепелище.

На одном полуразваленном домишке прибита простая фанерка с кривой намазанной синей краской надписью «Шти».

Я поинтересовался у мимо проходившего усталого сталкера, тащившего огромный рюкзак набитый чем-то, хабаром естественно, просто тогда, еще ничего не знал и не понимал.

Так вот, спросил, что сие вывеска означает, все таки?

– А, это. Так это Бар. Просто хотели написать «Штиль», да краска кончилась, ясно, – поучающее ответил бывалый старатель мне новичку.

Вот так повелось с тех пор и приклеилось намертво: «Шти» да «Шти».

Со временем Кордон отстроился понемногу.

Бар переехал в двухэтажку, табличка заменилась на фирменную, а название осталась. Такая вот история названия Бара.

Бар на Зоне это не тот бар, который нам привычен в обычной жизни, совсем нет. Бар здесь просторное помещение, примерно как простенькая столовая совдеповская, с массивными столами и стульями, прикрученными болтами намертво к полу, на случай драк и разборок.

Имелась длинная, дубовая барная стойка, бармен по кличке Бармен, вышибала, огромный детина, Толян. Но здесь нет стробоскопов, лазеров, подиумов и шестов, вип—лож, ди—джеев и прочего «добра».

Бар место обмена информацией, поиск заказов, работы, скупка продажа хабара и артефактов, пополнение припасов, оружия, ремонт снаряжения и обмен, многое другое. Короче говоря, Бар это центр жизни в Зоне.

На другой стороне Зоны, находился, не менее также известный, тоже бар, с названием «100 рентген».

Сам Бар «Шти», располагался в двухэтажном, кирпичном здании.

На первом этаже, как я говорил, сам бар, на втором этаже подобие гостиницы, только номера размером с собачью конуру.

Но народ не жаловался: в тесноте, да не в обиде.

Да и на что нам, сталкерам, размер, была бы койка с матрасом только.

Вот туда и направлялся на военном «УАЗе», намериваясь отдохнуть, привести мысли и голову в порядок.

Забежал в Бар, и подошел к Бармену, кивнул Толяну, показывая, что я пустой, то есть без оружия.

Есть незыблемое правило при входе в Бар сдать всё оружие вышибале на хранение. Да вообще на Кордоне никто не ходил с заряженным оружием наизготовку, только дозорные и постовые, для охраны от всяких опасностей Зоны.

– Здорово, Бармен! Мне водки и закусь в номер, да из одежды, чтонибудь подбери простое, комбез, или чтонибудь еще. – Без предисловий, попросил, мне не расспросов, что да как.

Я сходил по-быстрому на помывку, в общий душ на этаже смыть грязь и тину с илом. Зайдя в номер, обнаружил, что всё исполнено: сложенная б/у, но чистая одежда лежала на койке.

Подручный бармена Заяц всё принес и накрыл на стол.

Открыв бутылку водки, налил почти полный граненый стакан, залпом выпил, успокаивая расшатанные нервы и психику.

Я сжал пустой стакан в руке, слепая холодная ярость вновь подкатывала к горлу, затмевая мой разум.

Стекло стакана треснуло в руке на кусочки, не выдержав бесконтрольного усилия.

Боров был слишком крупной фигурой в Зоне, кроме того за ним чувствовалась поддержка извне, за ним стояли влиятельные люди, очень влиятельные. И так просто с кондачка его не свалить. Калган то пешка понятно, а вот Боров это проблема.

Надо крепко думать, прежде чем действовать.

Страх нет, одно желание отомстить, как можно больнее.

Я вспомнил, когда у меня было такое состояние в первый раз.

...Мне было шестнадцать лет, «учился» в местном ПТУ, был обычным пацаном как все: хулиганил, шпанил в подворотнях, курево, пиво, слушали громко музыку во дворах.

И тусил в простецкой, молодежной компании одноклассников.

А была другая компания крутых одноклассников, уже законченных отморожков, эти играли по-крупному, по-взрослому: грабежи, изнасилования, кражи. А что делать с ними, фактически они малолетки, максимум «условки» в 90-х годах.

В ПТУ, «училяге», после обеда, как по расписанию очень большие перемены по два—три часа.

В это время в здание ПТУ царил хаос, анархия и беспредел!

Трещали стены, парты, сломанные ребра в «случайной» драке, ломались носы, насиловались пацаны и девчонки, творился полный Содом и Гоморра.

Элементарно отсутствовал контроль со стороны взрослых: не было ни директора, ни учителей, ни мастеров в это время.

А может специально так всё делалось, не знаю.

Так вот, в один «учебный» день после обеда, возвращаюсь к себе в класс, чтобы как обычно, потусить в компании с пацанами.

Иду значит себе, вдруг подбегает малознакомый парнишка с других курсов, да и говорит втихаря:

– Там в классе Валька сейчас опускают, не ходи туда пока.

А Валек был мой друг, из этой же компании.

Я в шоке, да как так! – и рванул туда в класс.

Тогда захаживал в секцию каратэ.

Как сказать каратэ, как было раньше; какойнибудь деревенский Ваня научиться азам, руками—ногами махать по видеомагнитофону, по фильмам с Брюс Ли, или по книжкам сам-издата. Наденет белое кимоно с черным поясом, и всё – я сэнсей, слушайте и повинуйтесь.

Конечно, утрированно, но так и было.

Но кое-чему там научился. Правда, азам только. Паре, тройке ударов, ногами, руками.

Вспомнил притчу японскую рассказанную в Индии монахом.

Кстати, кто знает, какая в Японии государственная, национальная, общая религия? Синтоизм называется – дикая смесь самурайства, боевых учений, мифов, и верований в своих богов.

Синто – по-японски: путь богов. Притча:

Однажды пришел молодой ученик к мудрому мастеру и просил, стоя на коленях:

– О, учитель, научи меня побеждать всех противников на поединках с одного удара.

– Да мой ученик, я научу тебя побеждать всех и любого, с одного удара. – Мастер.

– О, учитель, но что нужно делать для этого? – ученик.

– Мой юный ученик, тренируй каждый день и час только один удар, но чтобы он стал быстрым и точным, как удар молнии. – Мастер.

– О, учитель, и всё, так просто? – ученик.

– Да, лишь один удар рукой, направленный в печень противнику, рукой с «танто». – Мастер.

– Да мой ученик, ты будешь самым непобедимым бойцом в мире, побеждать всех с одного удара! Ты же ведь этого хочешь? – Мастер.

И опечаленный ушел прочь ученик, познав мудрость.

Танто – клинок, кинжал самурая.

В те юные годы, я не знал той мудрости, монаха, и далекой Индии, куда забросит меня судьба, в поисках смысла жизни и познания боевых искусств, да много чего не знал.

Но немного научился у доморощенного сэнсея: главное научиться одному удару, хорошему, просто отличному.

На ходу сбросил мешавшуюся куртку и влетел в класс, увидел такую картину; парты и стулья сдвинуты к стенам; на них сидела кодла, пять или семь человек да не важно, смотря на действие, обмениваясь между собой похабными шуточками. Посередине класса возвышался главарь, на коленях стоял несчастный Валька, крутя башкой возле расстегнутой ширинки главаря этой шпаны.

Главарь банды был олигофрен, с развитием как у десятилетнего мальчика, но огромный здоровый детина, двухметрового роста и сто пятьдесят килограмм веса, с подходящей для него кличкой Дубина.

А я тогда и вправду был маленьким Женькой, Джоником, гораздо меньше его, раза в три примерно.

– Ты что творишь, сука?! – крикнул Дубине.

Дубина, повернувшись довольной мордой, ответил, нагло ухмыляясь:

– Вали отсюда, пока тебя тоже не отпидарасили.

– За базар, ты сука, ответишь. – Выдавил из себя, становясь в боевую стойку, как учил дворовый тренер.

– Что??!! – взревел раненым быком Дубина, сразу с места бросаясь в атаку.

Помню, я испугался в этот миг, ну а иначе как?

Вот представьте, что на вас прёт такая взбешенная машина мяса и жира.

Дубина, застегнув ширинку, скакнул широко махая слоновою ногой, намереваясь раздавить меня, как надоевшего клопа.

И тот же миг, страх исчез, как будто и не было, осталась только одна холодная ярость – и я понял, твердо и четко, что Дубина мой!

Сложившись вдвое, я наоборот, бросился вперед!

Нога Дубины проносится мимо впустую. Все!

Чёткий удар в пах, костяшками правильно сложенного кулака!

Из положения низа.

Дубина складывается пополам, вопя и изрыгая мат и брань.

Удар по печени, костяшками пальцев сложенного кулака!

Удар по почкам! Вложив всю силу и злость, представляя себе, что будто работаю по обычной груше!

Следующей бок Дубины, я обработал как на тренировке.

Раз—два, только фул—контакт, то есть полный контакт, в полную силу и сверх того, что прибавляла ярость и злость!

Прошло секунд пять.

Из замершей кодлы никто не пошевелился, чтобы броситься на меня и избить.

Дубина валялся, корчась на полу, рыгая рвотными массами, изливая мочу и свое дерьмо.

Несколько капель дерьма попала мне на одежду.

Подвернувшийся тряпкой, безглаголиво её отер.

Бросив на пол тряпку, небрежно сказал остолбеневшей шпане:

– Уберитесь здесь, а то всё дерьмом провоняет, или мать вызовете его, чтоб убралась здесь.

Нагадил он конечно здорово, такая ведь туша.

Валька вскоре повесился, не выдержав унижений, со стороны однокурсников.

Дубина, опозоренный, ушел из ПТУ и больше не появлялся там никогда.

Я тоже ушел из ПТУ, в местную шрм. (школа рабочей молодежи)

Днем работал на заводе, вечером учеба и секция карате.

Я жил более взрослой жизнью до призыва в армейку, на хулиганства времени просто не было.

Из всего вынес урок на всю жизнь, что страх в человеке он должен быть, но и одновременно не должен присутствовать.

Страх будет только мешать действовать в экстремальных ситуациях.

Что иногда, надо идти против всех правил и законов.

Против кодлы, шпаны, банд, таких сформированных, социальных обществ, невзирая ни на что.

...Я налил водки в другой стакан, выдохнул, залпом выпил, поминая те окаянные года молодости.

И, через некоторое время всё происходящее потом помнил смутно или вообще не помнил.

Спустился вниз в бар, где под вечер набилась толпа, выпил у Бармена, ещё и ещё, потом требуя всем налить шампанского, по-гусарски.

Орал в микрофон караоке какие-то песни, потом снова пил, заливая горе и тоску, потом снова пил и угощал всех кто попадется под руку, не жалея водки и денег. Потом требовал непременно сыграть в русскую рулетку, с заряженным револьвером, настырно умоляя Толяна вышибалу одолжить мне ствол для игры, потом снова пил.

Потом качаясь, поднялся к себе в номер, собрал и взял в охапку остатки гражданской одежды, прихватил бутылку водки, спустился вниз и вывалился на улицу. Там, кинул «гражданку» на землю, полил её водкой и поджег. Ворох одежды, смоченный водкой, разгорелся ярким синим пламенем.

– Да, да, да гори оно, все синим пламенем... – мычал себе под нос.

– И все пусть горят.

Выпил водку из горла, поливая остатками горевший костерок, пустую бутылку швырнул в окно бара. Зазвенело разбитое окно, раздались крики. Выхватил свой неразлучный нож... и всё, выключился.

Проснулся днем в номере на койке в одежде.

Отчаянно болела голова и почему-то ныла челюсть.

Тихо запищал мой КПК принимая информацию.

Вспомнив о вчерашнем задании Калязина, о будущей разборке с Боровым, я тихо застал.

С трудом сел на койку, рукой потер старинный медальон, висевший на груди, по старой привычке, который добыл в пройденных испытаниях, на севере Индии близ Тибета.

Чувствуя, как он дарит тепло, энергию и ясность ума, подпитывая энергией.

Так собрались. Хватит расслабляться. Пора за работу.

Немного привел себя в порядок, спустился вниз в бар, подошел к улыбающемуся Бармену.

– Здорово, сделай мне чаю, крепкого, – сделал заказ.

– Ну ты дал вчера жару, Джоник. Похоже, вчера с катушек немного слетел, – улыбаясь и заговорщицки подмигивая, ответил Бармен.

– Да я не помню ничего толком. Если надо, то компенсирую ущерб, – отвечив, смущаясь за содеянное по-пьяни.

– Ладно, сочтемся. Когда ты на улице с ножом стал бросаться на людей, то Ракета тебя вырубил ударом в челюсть, потом отнесли тебя в номер.

Да, сталкер Ракета бывший боксер, чемпион какой-то там мирового первенства.

– Понятно. Ладно, давай чай. Сидор у себя?

– На. Держи свой чай. Да Сидор у себя, где ж ему еще быть. Слышь, а может что покрепче? – предложил Бармен.

Я лишь в ответ махнул рукой: отстаньте, мол, не до вас сейчас.

Сидор или Сидорович, местный барыга торговец, находившийся рядом с баром в подземном бункере, со стальными дверями на кодовых замках, эдакий кощей бессмертный сидящий на своем золоте.

Я стоял у нового застекленного окна, пил крепкий чай от Бармена, планируя дальнейшие действия на будущее.

Сначала надо заняться собой, привести себя в надлежащую форму.

Допивая чай, вышел из бара и медленно побежал к ближайшему леску, который находился на окраине Кордоне.

На бегу, заодно разминался, размахивая руками по сторонам.

Благо никого в это время на кордоне не было, все сталкеры заняты так или иначе своими делами.

Размялись. Теперь Исцеляющей Импульс.

Спец. гимнастика для военных и космонавтов.

Придумал и избобрел Голтис, сам бывший спецназовец.

В армейку к нам приезжал тогда никому неизвестный Голтис, проводя в нашей части учебные семинары, по применению и наработках «импульса», показывая нюансы на самом себе и натаскивая нас приемам гимнастики.

Правильный мужик, грамотный, с понятием. Только в религию шибко вдаренный, в последнее время, а так нормальный.

Как сам Голтис описывал невероятные приключения, ему всегда помогала вера в бога и церковь, с ангелами и архангелами.

Один раз, пойдя в экспедицию по пустыне Сахаре, он в начале пути умудрился столкнуться со спящей, самой ядовитой гадюкой в мире. Гадюка, проснувшись, мгновенно атаковала, что естественно для змей, вцепившись в ногу, и прокусив почти до кости.

Голтис, не мешкая, выхватил нож, разрубил гадюку пополам.

Разрезал штанину, вскрыл ножом ранку укуса, начал сам себе отсасывать яд, выплевывая кровь и яд со слюной.

После он помолился богу.

Тут подоспели товарищи по команде, перевязали ни на что не надеясь.

Но Голтис, лишь пару дней повалялся с лихорадкой и температурой, и всё. На третий день команда продолжила вместе с ним путешествие.

Обычный человек крякнул бы после этого, а ему хоть бы хны.

Такая история, хотите верьте, хотите нет.

Я упражнялся в пустом лесу, размеренно дыша и делая движения:

вдох—выдох, вдох—выдох. Казалось бы, простые движения, а на самом деле творят чудо, восстанавливая организм и тело.

Хорошо. Теперь настала очередь гимнастики Гермеса.

Гимнастика Гермеса – крайне эффективная гимнастика, дошедшая до нас из глубины веков. Предназначена для зарядки организма эфирной, то есть космической энергией. Самая древняя из известных зарядок. Её разработал более двух тысяч лет назад, древнеегипетский врачеватель и жрец Гермес Трисмегист. Такие дела, после научился.

Люди не знают и не подозревают, что на свете есть множество различных оздоровительных техник, новых и древних, предпочитая обращаться ко врачам, пить горстями таблетки по всякому поводу.

Бегаю по лесу и обливаясь потом, выгоняю всю дурь из организма, чередуя с душем контрастным смывая пот и грязь с тела.

Потом чай у Бармена, пробежка в лесок, снова по новой «импульс», «гермес», снова душ с чаем, так весь день до вечера.

Вечером пришедшим в форму, направился проведать Сидора.

Он встретил меня на пороге каморке в бункере обычной коронной фразой:

– Здорово Джоник, хабар принес?!

– И тебе не хворать, а с хабаром нынче не густо, – обменявшись взаимными любезностями, можно приступить к делам нашим.

– Калязин сказал, что у тебя можно взять снарягу и оружие за его счет. Он предупредил? – поинтересовался у старого скряги.

– Звонил, а мне что с того? С него и взятки гладки, я свою даже цену не отобью, не оставаться же мне в убытках. Вот доплатил бы ты, свою часть суммы за снарягу, было бы в порядке, – ответил хитрый еврей.

– А может «лимонами» возьмешь, – сказал в шутку.

– Э нет, лучше миллионами, – ответил пройдоха и захохотал, еврейским смехом. Глядя на него, тоже непринужденно засмеялся.

Старый лис, оказывается, знал это старое разводилово на бабки, которое было в дни нашей бурной молодости.

– Ладно. Черт с тобой. Доплачиваю, возьми с моей ячейки, – согласился нехотя. Сидорович организовал подобие банка.

Такие банковские ящички ячейки, где хранилась вся наличность сталкеров. Не таскать же бумажные денежные пачки в карманах по всей Зоне.

Что не говори, а Сидорович настоящий профессионал дел и занятий, а я всегда с уважением и почтением относился к профессионалам дела, неважно в какой сфере он специалист.

Сидорович вышел из каморки, где он принимает гостей, пошел к другой закрытой стальной двери. Призывно махнув рукой, позвал за собой на склад. Понажимав кнопки сейфового замка на бронированной двери, Сидорович с некоторым усилием толкнул её, приоткрывая тяжелую стальную дверь, ведущую на склад.

Да, в бункере можно переждать атомную войну, не то что наш Выброс.

Ассортимент на складе был велик.

Глаза разбегались, от амуниции, экипировок, снаряжения, приборов, оружия, припасов, непонятных ящиков разложенных по длинным деревянным полкам.

Я выбрал броневой комбинезон «берилл-5м» с внешней разгрузкой.

Из оружия усовершенствованную «грозу» с прицелом и магазинами на сорок патронов.

На «вторичку» взял легкий и точный «форт—12» с обоймой на восемнадцать патронов, украинского производства.

Набрал патронов под выбранное оружие, еды на пару—тройку дней, консервы и сухие пайки, гранаты к подствольнику и обычные гранаты.

Всё остальное потом на точке сбора поисковой группы, да и в моём секретном схроне на Кордоне, где хранилась аппаратура: детекторы, «биорадар», супераптечка, маячки и много других необходимых гаджетов.

Не отходя от кассы, здесь же на складе, начал укладывать выбранное в рюкзак. Заодно проверяя, всё ли на месте, всё ли взял в путь.

Комбинезон сложенный, не одевая на себя, взял с собой, вместе с набитым рюкзаком, планируя двинуться в путь ранним утром, к точке сбора на Армейских Складах. Бывшие военные склады и здания, а ныне просто занятые под базу «Свободы».

Затарившись экипировкой, погнал в бар, чтобы спокойно переночевать перед переходом.

Сдал оружие на хранение вышибале Толяну, пошел к себе в номер спать.

Проснувшись затемно, не торопясь, собрался в путь.

Наведаясь в схрон, взяв с собой, что должно понадобится.

Когда чуть рассвело, двинулся намеченным курсом к точке сбора.

Двигался в среднем темпе, чтобы не выдохнуться перед поисковым рейдом. Через два дня, без особых приключений был на условленном месте.

Завалив по дороге, в районе Свалке, пять упоротых бандитов из шаек Борова.

Я спрашивал бандитов перед смертью, что он сделал хорошего в своей жизни для общества, для людей в частности.

Не услышав ни одного вразумительного ответа от бандитов, хладнокровно пристреливал их одного за другим, отведя немного душу, заодно очищая Зону от мерзости.

«Чистилище»

Провалившись в глубокий сон без снов, проснулся от легкого толчка. Повернувшись в спальнике, разглядел, что поднимает с постели дежуривший смену Крест.

– Вставай, сейчас твоя очередь на пост.

– Здорово. Что как, всё тихо? – тихо поинтересовался, выбираясь из спальника.

– Да, всё норм. Я тут прилягу немного поспать, – ответил полусонный Крест, заваливаясь в спальник. До рассвета оставалось часа два, судя по ночному свету, стоявшему на выходе из пещеры.

Я встал, подбросил дровишек в тлеющей костерок, налил в чайник холодной загодя набранной воды, поставил его над огнем костерка.

Теперь можно подумать неспешно и вдумчиво.

Присев возле огня достал КПК, чтобы еще раз считать знакомую информацию о маршруте.

Когда-то я осваивал эти места, но время не стоит на месте, всё могло измениться в гораздо худшую сторону.

Поверху, по земле не пройти, там посылая смертельное пси—излучение, работал непрерывно «Выжигатель Мозгов».

Единственно безопасный путь в Мертвый Город лежал через подземную железнодорожную дорогу, не до конца достроенный туннель, прорытый в советское время, запланированный и действующий в секретных целях обороны страны.

Когда проходил тот путь, там находилась куча аномалий, повышенная радиация, вдобавок туннель к тому времени стал полуразрушен и обваливался, ветшая от времени и всяких аномальных воздействий.

Сейчас приходилось только полагаться на счастливый случай.

Вздыхнув, оглядел спящую группу на полу пещеры, идущую на верную смерть. Вот Михай, развалившись, тихо сопит во сне.

Здоровяк Борода, раскинув могучие руки раскатисто похрапывая, видел наверно очередной сон. Анна, свернувшись калачиком в спальнике, тоже спала. Дремал хладнокровный Крест.

«И что им дома не сиделось спокойно...» – подумал, бесполезно гадая в очередной раз, малоизвестные люди подобались в группе.

Тихо закипел чайник, пуская вверх клубки белого и горячего пара.

Пора будить группу, время подъема подошло незаметно.

– Подъем... – тихо постучал ручкой ножа по боку чайника, создавая звенящие звуки, которые заполняли объемное пространство спасительного укрытия. Спящая команда зашевелилась, поочередно встряхиваясь от остатков липкого сна, начиная готовиться к дневным испытаниям.

Вскоре группа, наскоро перекусив, глотнув горячего чая или кофе из рационов, которые на любой вкус, надев экипировку, цепочкой двинулась в опасный путь.

Я вёл группу к точке сброса нашего груза, сверяясь с КПК, где мигал на дисплее помеченной точкой маячок груза, до него оставалось совсем немного. Ага, вот и он, увидел в бинокль, лежавший ящик на боку.

Грузом оказался стальной контейнер, который мы, кряхтя, общими усилиями поставили, как положено, дверцами вверх.

Сбив простые замки с крышек тяжеленного ящика, распахнули крышки.

Внутри контейнер оказался набитым доверху разнообразным снаряжением. Что тут только не было!

Не теряя времени, команда вновь стала заново экипироваться.

Борода, стряхнув старый «берилл», облачился в спецкостюм «КЗС—СКАТ 1м». Тяжелый бронированный комбинезон с гермошлемом и встроенной системой обеспечения жизнедеятельности, то есть автоматической аптечкой впрыскивающей нужные лекарства сразу под кожу при повреждениях организма. Костюм защищал от пуль и осколков, спасал от радиации и других аномальных влияний.

Я и остальные тоже выбрали «КЗСы», надев его поверх простого комбеза. Анна взяла усиленную, научно—исследовательскую «Цисту», отойдя поодаль, и чтобы ни смущать нас принялась переодеваться.

Еще были экзоскелеты, типа «Боец—22», пару штук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.